

Е. М. МЕЛЕТинский

Как сделаны «Братья Карамазовы»

<Фрагмент>

«Братья Карамазовы»*** рисуют картины русского хаоса на всех уровнях и пути выхода из него, правда, едва намеченные, хотя и прогнозируемые с большой настойчивостью. Кульминацией хаоса является изображение семейного разлада и отцеубийства. Хаосу противостоит церковь как центр космоса. Что касается нерусского (в основном — западного) мира, то там только безнадежная «могила». «Россия / не Россия» — одна из важнейших оппозиций. Уже на первых страницах появляется «просвещенный, столичный, заграничный европеец», хранящий память о парижской революции, живущий преимущественно в Париже и ведущий «нескончаемый процесс против монастыря», против «клерикалов», и он — даже на фоне все время его «передразнивающего, дрянного, развратного» и «бестолкового», «сладолюбивейшего» «злого шута» Федора Карамазова, крайнего представителя русского хаоса, — кажется еще неприемлемей. Федор Карамазов дразнит и высмеивает достойных монахов, но даже самый гнусный «анекдотец» его (о святом, который лобызал свою голову) оказывается заимствованным у «европейца» Миусова. В сущности, Федор Карамазов только дразнит монахов, а Миусов ведет против них процесс и почитает за честь бороться с «клерикалами». И это при том, что Федор Карамазов заявляет: «Россия свинство <...> как я ненавижу Россию» (XIV, 122). Соответственно и реальный отцеубийца Смердяков восклицает: «Я всю Россию ненавижу» (205). Даже в речи защитника на суде упоминается о том, что Смердяков «Россию проклинал». Известно, что он мечтал об эмиграции, учил для этого французский язык. Соседская дочка го-

*** *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1991. Далее по тексту произведения Достоевского цит. по данному изданию с указанием в скобках номера тома и страницы, при ссылке на тот же том указывается только номер страницы.

ворит, что он «точно иностранец». Замечу в скобках, что русские черты находят и у Смердякова. И Федор Карамазов вынужден признать то же и про себя, что он «русский человек».

На другом полюсе — мнимый отцеубийца Дмитрий Карамазов, который признается: «Россию люблю, Алеша, русского Бога люблю, хотя сам и подлец...», «Америку ненавижу», «не мои они люди, не моей души». И Алеша ему горячо сочувствует, в то время как Иван Карамазов мечтает «в Европу съездить... на самое дорогое кладбище». Дмитрий Карамазов предлагает поляку, приехавшему сватать Грушеньку и обрисованному крайне неприязненно, выпить за Россию, но тот отказывается, ибо не признает ее нынешних границ. Отвратительный «полячек» противостоит глубоко русскому Дмитрию Карамазову. Отношение к России и Западу оказывается, таким образом, лакмусовой бумажкой, разделяющей относительно положительных и относительно отрицательных персонажей. Не случайно и главной положительной героине Грушеньке приданы черты «русской красавицы» («русская красота» — темно-русые волосы, бела лицом, серо-голубые глаза, взгляд ее веселил душу). Так же не случайно Федор Карамазов по внешности сравнивается с римлянином эпохи упадка, а его бизнесменство — следствие учебы у евреев. Русский народ сохранил веру в Бога, именно в живого «русского Бога», и сам является богоносцем. Зосима вещает: «Берегите же народ... ибо сей народ — богоносец», «неустанно еще верует наш народ в правду», «кто не верит в Бога, тот и в народ Божий не поверит». Даже «русские преступники еще веруют» — говорится в другом месте (60). Понятие «русскости» неотделимо от понятий «народности» и «веры в Бога». Эти три элемента, тесно связанные между собой, определяют некий позитивный «спасительный» комплекс. Поэтому наряду с оппозицией русское / нерусское в «Братьях Карамазовых» и вообще у Достоевского — в его мироощущении, реализованном в произведениях, — имеет место оппозиция вера в Бога / безверие, определяющая возможность спасения души, преодоления хаоса, а также оппозиция народный / ненародный, в том числе аристократический и интеллигентский.

Вера / безверие также противопоставляет положительных и отрицательных персонажей. О Федоре Карамазове сказано, что «сам он был далеко не из религиозных людей»; когда он спрашивает у своих сыновей, есть ли Бог, то Иван отвечает — нет, а Алеша — да. Разумеется, не верят в Бога ни «западник» Миусов, ни лицемерный семинарист-карьерист с социалистическим душком Ракитин («Ах, не любит Бога»). Дмитрий Карамазов, какими бы не были его недостатки, поет «славу высшему на свете, славу высшему во мне», «Бога и его радость» он любит, как мы знаем, — «русского Бога», и обращается к нему со словами: «пусть

я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын. Господи, и люблю Тебя» (99), «люблю Тебя, Господи» (377). Дмитрий не убил отца, потому что «Бог сторожил меня тогда» (355).

Противопоставление народного и ненародного в «Братьях Карамазовых» выражено менее отчетливо, чем в некоторых других произведениях Достоевского, но все же чувствуется (ср. ложный аристократизм Миусова, более народно-демократическую отмеченность Грушеньки по сравнению с аристократической гордячкой Катериной Ивановной, противопоставление Хохлаковой народным просительницам у Зосимы и т. п.). Не случайно Федор Карамазов — помещик, хотя и деклассированный, прошедший стадию приживальщика, склонный к злему шутовству и грязному бизнесу. Вера в Бога и связь с русским народом-богоносцем — условие и источник спасения падшего, как бы тот ни погряз во грехе. Зосима учит не бояться грехов и грешников; Бог особо любит раскаявшихся грешников, одним из которых и является Дмитрий Карамазов, жаждущий пострадать и очиститься. Вера в Бога и вера в народ ведут к «соборности» (хотя Достоевский не пользуется этим термином), к тесной связи с другими людьми в противовес к «отсоединению» и индивидуализму: «любовью всё покупается, всё спасается» — учит Зосима. В этом плане противопоставлены Алеша — «ранний человеколюбец», «людей он любил», отчасти и Дмитрий, болеющий за страдающее «дитё», — Ивану Карамазову и их отцу Федору, а также Смердякову, Ракитину, Миусову. Иван Карамазов отказывается «от высшей гармонии» (не стоящей «слезинки» ребенка) якобы «из-за любви к человечеству», но при этом он «никогда не мог понять, как можно любить своих ближних» или «страдать неповинному за другого» и как можно любить жизнь «больше, чем смысл ее». Смердяков также «никого не любил» и был «нелюдим». Кроме того, ему был не чужд садизм: вешал кошек и т. п. (ср. умиленное отношение к животным у Зосимы). Явный эгоист и человеконенавистник, Федор Карамазов пародирует религиозное представление о любви, говоря, что Грушенька «много возлюбила». Миусов якобы «любит человечество», но это только означает, что не любит никаких конкретных людей, никаких ближних.

Любовь к людям должна переходить в любовь к жизни, к ощущению земной жизни раем. Зосима учит, что «жизнь есть рай <...> рай в каждом из нас» (275). О Ракитине говорится как об эгоисте, у которого «сухо в душе».

В силу вышесказанного прощупываются оппозиции: деятельная любовь / равнодушие (допускающее претензию на абстрактную любовь к человечеству), индивидуализм («отъединенность») / коллективизм, жизнелюбие / отсутствие жизнелюбия, приоритет рационализма вплоть до отказа от мировой гармонии. Любовь к жизни, радость жизни вся-

чески утверждают в «Братьях Карамазовых». «Какая жажда существовать!» — восклицает Дмитрий Карамазов. И даже Иван Карамазов, отказавшийся от мировой гармонии, не может устоять перед «клеякими листочками» и радостью жизни до тридцати лет. Любовь к жизни, в частности, проявляется в радости, веселье, смехе. Любовь к живой жизни «прежде логики», о чем говорит Алеша и на что намекает Зосима, отчетливо противопоставляется всякой рационалистической «арифметике». Границу жизнелюбия ставит только «сладострастная» «карамазовщина», которая в полной мере и в отвратительной форме проявляется у «отца семейства», но элементы которой знакомы и его сыновьям, особенно Дмитрию. Ракитин и Ивана квалифицирует как сладострастника. Общему карамазовскому «сладострастию» лишь отчасти противостоит «целомудрие» Алеши и мнимо противостоит «брезгливость», любовь к чистоте, скопческий вид Смердякова. Все указанные выше оппозиции представляют собой частные проявления общей оппозиции добро / зло.

Со времен известной книги М. М. Бахтина о Достоевском принято всячески подчеркивать «многоголосие» как творческий принцип Достоевского. Нисколько не отрицая этого «многоголосия», хочу одновременно отметить, что мировоззренческие постулаты при этом формируются весьма отчетливо и даже навязчиво, что эти постулаты легко могут быть представлены в виде набора оппозиций и что этот набор оппозиций прямо используется при построении системы образов. Отсюда, однако, не следует, что персонажи слишком строго делятся на положительных и отрицательных. Такое строгое разделение противоречило бы установке Достоевского на описание диалектики души (см. ниже). Только самые маргинальные фигуры сохраняют ничем не колеблемую ценность. Но Иван Карамазов не окончательно утвердился в своем неверии, хотя это неверие составляет основу его мировоззрения, он «не совсем шутил», когда писал свою статью о церковном суде; в конце концов в нем заговорила совесть, хотя он не изменил явным образом своего мироощущения. При отказе от Божьего мира он сохранил юношеское жизнелюбие. Атеист Смердяков все-таки допускает существование единиц, способных верой сдвигать гору. Наоборот, столь решительно им противопоставляемые и твердо верующие Алеша и Митя в какие-то минуты сами испытывают сомнения в религиозной вере. Алеша, при всем своем целомудрии, способен в определенные минуты ощутить в себе «карамазовщину». «Схождения» между персонажами бывшей семьи неожиданные. Пусть неудивительно, что Федор Карамазов отказывается в разговоре с Алешей от рая, а Иван строит на таком отказе целую теорию. Но ведь с «бунтом» Ивана Карамазова перекликается маленький «бунт» Алеши, травмированного тем, что тело Зосимы стало издавать запах. И даже невинная девочка

Лиза в какой-то момент бунтует тоже и истерически отворачивается от Божьей гармонии.

Система персонажей в «Братьях Карамазовых» представляет целый веер характеров, находящихся в сложном, но весьма продуманном и четком соотношении друг с другом, начиная от антиподов и вплоть до «двойников». Борьба добра и зла имеет место и между персонажами, и в душе большинства персонажей. Как уже сказано выше, мир «Братьев Карамазовых», как и некоторых других произведений того же автора, — это мир русского хаоса и попыток наметить пути его преодоления. О самих Карамазовых Алеша говорит: «тут земляная карамазовская сила <...> земляная и неистовая, необделанная» (201). «Необделанная» карамазовская сила прямо указывает на хаос, но и одновременно на связь с землей, которая подает надежду на преодоление хаоса. Сама земля мыслится и как некоторое хтоническое начало, и как национальная почва, столь дорогая Дмитрию Карамазову и самому Достоевскому.

Необходимо подчеркнуть значение, которое Достоевский придает представлению о широко распространенном хаосе. Слово «беспорядок» употребляется множество раз. Например, в семье Федора Карамазова между супругами «самая беспорядочная жизнь», «папенька пьяный и невоздержный беспутник, никогда и ни в чем меры не понимал». У Дмитрия Карамазова «юность и молодость его протекли беспорядочно» (11; ср. кутеж и погром — 103). Дмитрий Карамазов «не любил никогда... беспорядка», но признается, что «порядку во мне нет, высшего порядка». Ракитин его характеризует как «продукт... погруженной в беспорядок России». Действительно, в нем, пожалуй, этого беспорядка больше, чем в некоторых других. Но и в отношении Смердякова говорится о «нелогичности и беспорядке иных желаний его». Иван Карамазов подозревает, что «всё, напротив, беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос», что «На нелепостях мир стоит», «И какая же гармония, если ад». Иван Карамазов придает беспорядку и хаосу космический масштаб, и в этом, по мысли Достоевского, он ошибается. Другое дело, например, отношения братьев с Катериной Ивановной. Здесь «во всем лишь неясность и путаница».

Путаница даже в отношениях между детьми, хотя Коля Красоткин не доходил до «беспорядка, бунта и беззакония». Юная Лиза говорит: «Ах, я хочу беспорядка» и «чтобы нигде ничего не осталось» (XV, 22).

Действительно, слова «хаос», «беспорядок», «содом», «путаница», «бездна» и т.п. встречаются очень часто*. Говоря о «хаосе» в «Братьях

* О проблеме «хаоса» в творчестве Достоевского в целом см.: Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4.)

Карамазовых», необходимо отличать стихийный хаос на всех уровнях общественной и семейной жизни, вплоть до возможности отцеубийства, от хаоса вследствие сознательного отказа от мировой гармонии и порядка в силу, например, неверия в его возможность. Дмитрий Карамазов на практике крайне «хаотичен», но вместе с тем не любит беспорядка (см. выше) и уповает на спасение мира и человека, в частности за счет союза с «матерью землею», т.е. с национальной почвой, которая вовсе не прямо совпадает с «карамазовской земляной силой». Иван же Карамазов не верит в справедливость мирового устройства и сознательно отвергает мировую гармонию, «возвращает билет» Богу. На гораздо более низком уровне, без всякой теории от «рая» отказывается и Федор Карамазов: «...в скверне моей до конца хочу прожить... в скверне-то слаще» (XIV, 157). «А в рай твой... не хочу» (158), — говорит он Алеше. В миниатюре отказ от гармонии звучит в приведенных выше словах впавшей в истерику Лизы.

Вообще персонажи Достоевского легко впадают в истерику, в экстаз, отдаются всевозможным нервным проявлениям, вступают в противоречия с самими собой. Эти противоречия, столь характерные для героев Достоевского, в том числе и персонажей «Братьев Карамазовых», также проявление хаоса и одновременно борьбы разных эмоций, настроений, психологических тенденций и, в конечном счете, добра и зла в душах людей. В крайней форме это проявляется в поведении женских персонажей. Приведу примеры. О Грушеньке говорится, что она «сама находится в какой-то борьбе». Лиза мечтала садистически насладиться видом распятого мальчика с обрезанными пальчиками, а перед тем предлагала Алеше посвятить себя заботам о несчастных людях. Катерина Ивановна любит Дмитрия, колеблется между тем, чтобы быть «спасительницей» или «губительницей» Дмитрия. И действительно, в своем поведении она меняет эти позиции: спасительница — потом губительница (на суде) — снова спасительница (думает о его побеге). В отношениях с Иваном они — «два влюбленные друг в друга врага». Алеша говорит ей: «...вы мучаете Ивана, потому только, что его любите», а «Дмитрия надрывом любите... внеправду любите». Хохлакова говорит о них: «оба губят себя неизвестно для чего, сами знают про это, и сами наслаждаются этим».

Иван Карамазов «любил и в то же время ненавидел Дмитрия». Федор Карамазов после смерти жены одновременно «плакал и смеялся», он был «зол и сентиментален».

О Смердякове говорится, что он, может, «уйдет в Иерусалим, скитаться и спастись, а может, и село родное вдруг спалит». Ракитин характеризует статью Ивана Карамазова о церковном суде: «с одной стороны, нельзя не признаться, а с другой — нельзя не сознаться».

Особенно много говорится в связи с Дмитрием Карамазовым, прежде всего — им самим: «...низость люблю, но я не бесчестен» (101); «...я человек хоть и низких желаний, но честный» (105); «Господи <...> Мерзок сам, а люблю тебя» (372). «Пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын. Господи, и люблю тебя» (99). «Беспутен был, но добро любил» (XV, 175). «Зверь я, вот что. А молиться хочу <...> Скверные мы и хорошие». Соответственно и Грушенька ему говорит: «ты хоть и зверь, а благородный» (XIV, 397, 398). И так: «и дурно оно было, и хорошо оно было», и Дмитрий Карамазов обсуждает проблему противоречий даже как бы теоретически: «Влюбиться можно и ненавидя»; «Красота — это страшная и ужасная вещь <...> Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут <...> иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским» (100). Дмитрий это отчасти объясняет тем, что «широк человек, даже слишком широк». Эта «широта» как бы является одной из предпосылок русского хаоса.

Прокурор на суде говорит, что «добро и зло в удивительном смешении», «натуры широкие, карамазовские <...> способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны» (XV, 129). На протяжении романа часто говорится о разных «ужасных противоречиях», «нелепости и путанице» и т. п. (см., например, XIV, 170). Внутренняя борьба, можно сказать, превалирует над внешней в этом великом «романе-трагедии». Кроме того, даже сугубо положительные или сугубо отрицательные персонажи очень часто таят в себе какие-то потенции прямо противоположного свойства. Как уже упоминалось, даже Алеша Карамазов в какой-то момент способен сказать: «...и сам я Карамазов <...> я в Бога-то, может быть, и не верую» (201), и это парадоксальное высказывание соответствует неосуществленному замыслу Достоевского превратить Алешу во втором томе «Братьев Карамазовых» в революционера или даже преступника, впоследствии, конечно, кающегося*.

* О роли отсрочек в повествовании см.: Eng J. van der. «Suspense» в «Братьях Карамазовых» // Van der Eng J., Meijer J. M. «The brothers Karamazov» by F. M. Dostoevskiy. The Hague; P., 1971. P. 63–148.